

Клуб рассказчиков

Анатолий БОНДАРЕВ

ДИАЛОГ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

БАБА СОНЯ

Не спалось на новом месте Софье Алексеевне. Вечером привёз её сын Никита в свои городские апартаменты, трёхкомнатную квартиру на четвёртом этаже девятиэтажки. Уставшие, сложив в отведённую ей комнату немудрёные пожитки, поужинав, легли спать. Никита с женой Анной, пошептавшись, быстро уснули. Не могла уснуть только она, мать, решившаяся наконец-то нарушить табу предков – первая покинула насиженное гнёздышко. Почти девяносто лет безвыездно прожила она в таёжном селе. Как её отцы и деды вела хозяйство, работала на ферме, растила детей, создавая уют и сохраняя покой в дорогом для неё доме.

Никто из предков её рода никогда не уезжал из бесценной для них Кузнецовки. Только новое поколение не нашло применения своих рук ни в обществен-

ном хозяйстве, ни в личном подворье. Разъехались кто куда, в основном в город.

Софья Алексеевна, или как её в деревне звали – баба Соня, до последнего года содержала подворье. Она и помыслить не могла, как же будет жить без «хвостов», так она называла живность содержавшуюся в её хозяйстве. Корова, три овцы, куры не давали залёживаться старухе.

Летом было проще – выпустила утром после дойки корову да овец, и дел больше нет, кроме огорода. Благо выпаса начинались от калитки. Зато зимой! Раньше и в студеные дни не было проблем – справлялась, а вот в этом году... Её проняла дрожь, при воспоминании январского морозного утра, когда на зорьке понесла в хлев пойло, чтобы напоить корову.

Жила она в конце села. Раньше рядом жили молодые хозяйственные со-

Анатолий Петрович Бондарев родился 1 марта 1942 года. Закончил Большевицкую семилетнюю и Буготакскую среднюю школы, Новосибирский сельскохозяйственный институт, Рыбновский институт пчеловодства. Работал свином, скотником, зоотехником, председателем рабочкома, учителем, директором школы.

Являлся участником многих литературных конкурсов и фестивалей, за что имеет дипломы и грамоты.

Стихи и рассказы А. Бондарева изданы в четырёх коллективных сборниках, печатались на страницах альманахов «Синильга», «Купола», «Родня» и др. В 2009 году в Новосибирске вышла книга А. Бондарева – «Рассказы Кеши пчеловода». В 2011 г. вышла первая книга двухтомного собрания сочинений. «Диалог длиною в жизнь».

седи. Однако после развала колхоза они покинули насиженные места, осталась жить баба Соня на улице, одна одинёшенька, в отдалении от ближних соседей почти в триста метров. Поэтому односельчане не часто забегали в её домик.

В то проклятое зимнее утро мелкими шажками двигалась она по бугром натоптанной тропинке к находящемуся в двадцати метрах хлеву. Не заметила бугорок обледеневшей дорожки, поскольку знула, упала вниз головой в мягкий снежный сугроб. Ноги оказались на тропе, а по телу с ног до головы лился поток воды, предназначенной корове. Попыталась баба Соня повернуться – никак не смогла сдвинуться с места, ноги словно приросли к твёрдой тропе, а голова и руки, будто свинцом налитые, тянула её вниз к земле.

– Вот и всё! Жил был царь Тофута – и сказка вся тута. Держись кончики за середку. Смертушка меня застала в снежном сугробе, как Фёклу Малинkinу. – Несколько лет назад Фёклу нашли зимним утром, заметённую снежком, в ограде, когда та управлялась по хозяйству. Живую ещё занесли в дом, через два дня она скончалась.

«Видно и мне предстала такая же смерть» - думала старушка. Однако из всех сил начала выбивать вокруг снег, работая руками и ногами. Почти выбилась из сил, когда почувствовала, что ноги свалились с тропы и коснулись земли. Передохнув, повернувшись через правое плечо, Софья Алексеевна зацепилась руками за твёрдый снег натоптанной тропы. Упёрлась ногами в землю, поднялась.

– Знать Бог ещё есть на Белом Свете, что помог мне! – Вымолвила она. Оправившись, на коленях взобралась на тропинку, по которой медленно пошла домой. До обеда не вставала с постели, но чувствуя свою вину перед ревушей на все голоса скотиной, пошла вновь в хлев, чтобы накормить и напоить животных.

Рассказала приехавшим проведать её деткам о своих злоключениях. Те посоветовали срочно продать живность. Однако баба Соня наотрез отказалась оставаться без хвостов.

– Доживу до осени, тогда продавайте скотину, а домик оставьте, я летом приеду сюда жить, осенью же вновь заберёте меня в город. Так-то оно по-хозяйски будет, да и мне полегчает, подышу чистым воздухом. На том и порешили.

Наконец-то, уже осенью оказалась она в городе, который знавала лишь понаслышке. Всю жизнь ведь провела в деревне. «Как-то ей будет здесь, на новом месте? Найдётся ли ей подходящее дело, чтобы не скучать?» Эти мысли не давали ей ни на минуту заснуть. Только начало светать, она подошла к окну, раскрыла шторку и..., отшатнувшись от подоконника восторженно, словно сделала великое открытие, прокричала:

– Господи, Боже мой! Надо же подумать! Люди-то, оказывается, здесь и под землёй живут!

Прибжавшие на крик матери, Никита с Анной объяснили ей, что живут они на четвёртом этаже, а ниже их ещё находятся три этажа, которые Баба Соня приняла за подземелье.

Позавтракав, Николай предложил бабе Соне съездить к землякам, Спиридоновым, ее бывшим деревенским соседям, проживающим уже несколько лет в городе. Согласилась бабка.

Встретив старую добрую соседку, Спиридоновы в первую очередь показали ей свое городское подворье. Небольшая оградка была прикрыта легким железным навесом, под которым спрятаны были сусеки с углем, и вход в баню. С другой стороны усадьбы дверь вела в небольшой огородик, где росли два куста смородины, да радовали бывших селян три маленькие грядочки, заваленные ботвой моркови и помидор.

Долго ей, Софье Алексеевне, бывшие соседи нахваливали прелесть городской жизни. Трамвай, автобус рядом. Куда хочешь, туда и поезжай.

– А куда мне ехать-то? – думала баба Соня. – Куда ни кинь глаз – не мое, чужое. Толи дело в деревне – приволье, куда хочешь, туда и иди. И огород на пятьдесят соток. А здесь...

Погостив у земляков, Софья Алексеевна с сыном отправилась домой. Улицы, наполненные потоком автомобилей, словно кишечник какого-то неведомо-

го существа, двигал их куда-то, как бы в мистическую клоаку. Казалось, ни конца ни края не было этому потоку.

– Течма течет. Ливня льет. Лётом летит. – ей на миг показалось, что она и не в городе вовсе, а в большой деревне, по улицам которой прогоняют большое ревущее и блеющее стадо. Вон, впереди большая, грузная овечка скачет, а рядом с ней два маленьких беленьких ягненочка к боку прижимаются.

– Смотри, Никита! Бык-то какой? Черный, здоровый, видать племенной за красной коровой увязался. Изнахратит ведь коровенку. – показывая на черный «Хаммер» выпалила баба Соня. Ей вправду привиделось: – Разбушевалась Божья погодушка – только рев стоит. Буря в лоханке! И земля и небо стонут! – И не гул машин слышался ей в эту минуту, а казалась, зашумела сама мать зеленая дубравушка.

И надо же, в эту минуту Софье Алексеевне захотелось сходить в туалет. По легкому. Пока было терпение, молчала. Но потом...

– Никита! Милый! – призналась она сынку о своей нужде. – Что же мне делать?...

– Терпи, мамуля, сейчас, через минут десять решим твой вопрос.

Никита остановил автомобиль около высотки, высадил бабушку, указав ей путь к платному туалету, находившемуся за большим девятиэтажным домом. Иди туда возле дома, а я тебя там встречу. Высадив мать, припарковавшись, бегом побежал на поддержку к ней. Оплатив за место в туалете, застыл в выжидании.

Однако матери не было видно две, три... пять минут... Обежал дважды квартал. Матери не оказалось. Как в пропасть провалилась. Рядом оказались два милиционера. Никита обратился к ним.

– Какие приметы вашей тещи? – на этот вопрос Никита даже не знал, что ответить. – Белая вязаная шапочка... Да!... Она в резиновых сапогах!

Лишь только милиционеры двинулись вперед, из-за угла дома показалась Софья Алексеевна.

– А я спросила проходившую мимо девушку, где можно исполнить свою

потребность. Та мне и подсказала зайти в кафе, где есть туалет. – Вопрос был решен просто и быстро. Милиционеры с легкой усмешкой удалились выполнять свои постовые обязанности.

Через двадцать минут подъезжая к своему дому, Никита и Софья Алексеевна обратили внимание на отъезжавшие пожарные машины от их подъезда. Встревоженные, поднялись на свой этаж.

– Что случилось? – спросил Никита Анну. Рядом с женой сидела соседка с пятого этажа, Люба.

– Знаешь, Никита, дымом горевшей резины запахло в подъезде, вот и вызвали пожарку. Думали, что электропроводка горит. А они ничего не нашли и уехали.

Дети ушли в кухню, оставив в зале мать и пришедшую к ним взволнованную соседку. Люба, сотрясаясь от произошедшего, обняла бабу Соню, и, со слезами на глазах, словно исповедовавшись, высказала тайну пожара.

– Баба Соня, вы только никому не говорите. Это я виновата сегодня. И пожара-то никакого-то не было. Вчера я была у друзей. Меня удивило, почему у них не воруют лампочки в подъезде. Они мне и подсказали, что купили «чулки для мужского достоинства». Одели их на лампочки и включили свет. Резинки-то расплавились. Лампочки светят, а кому они нужны прорезиненные? Все бы было нормально, но я купила российские «чулочки», не импортные. Вот они излишней толстотой и запахом напугали жителей подъезда.

Не поняла Софья Алексеевна, чего добивалась соседка по подъезду. В деревни, где она прожила всю жизнь, об этом никогда никто не думал и не говорил. Заботы были у них другие: о детях, да о скотине... Еще о лучшей жизни мечтали. Рано вставали, печи топили, скотину кормили. Оно-то, кто рано встает, тому Бог дает.

– Худо вам жить, милочка, без забот, да без доброго слова. Скучен день до вечера, когда делать нечего. Вот вы и шалопайничаете.

– Что вы, баба Соня! Я прожила свою жизнь в городе и не представляю, как

там в деревне... Думала, что там живут только чудаки.

– Будто ты, отродясь, на пляске не бывала? А кто ж тебе терем состроил? Не диковина, что кукушка в чужое гнездо полезла, а вот диковина, кабы свое свила. Не шутка дело, шутка разум.

В это время подошла Аня, пригласила бабу Соню к столу. Люба, простившись с соседями, вышла из комнаты.

– Чем-то ты мама встревожена? – обратилась Аня к свекрови, усаживая ее к столу. – Что-то тебе не нравится у нас?

– Можно про это песню спеть, да чтоб кого по уху не задеть. Не вот суд будет, сказано, не в пронос слово молвлено, безобычному человеку трудно в толще людской жить. Непривычно мне здесь, дочка милая. На что вороне городские хоромы? – Софья Алексеевна притулилась к снохе, обняла ее плечи, и, со слезами на глазах, не сказала, а пропела:

– В городе жить, так по городу и слыть. Мы же миряне, не можем жить, как дворяне. Сельский изъян – бескорыстье крестьян. Прости меня дочка. Увезите меня домой в деревню, если желаете, чтобы я еще пожила на этом свете... Кладбище – вот Божья нива. И кости-то мои уже вполовину на погосте. А здесь на небо не влезешь, и в землю не уйдешь. Простите меня детки. Не теснота видно губит человека, а души томление...

ДЕРНАКИ

Лес, умытый утренней росой, наслаждался прикосновением тёплых солнечных лучиков, лёгким касанием свежего воздуха нежных листочков могучих крон, шёпотом воздающих благоволенные звуки, усиливающиеся голосами птиц, которые словно соревнуюсь между собою, залиvisto пели песни, наполняя округу весёлой мелодией вечности, прославляющие доброту и красоту окружающего мира.

Даже гул трактора, с прицепленной к нему тележкой, движущейся по узкой лесной просеке, растворялся в этом неугомонном шуме. Впереди, у выезда из леса, виднелись две могучие сосны и обширная поляна, издали напоминающая

бутерброд, начинка которой состояла из подсушенного разнотравья.

Остановившись около сосен трактор, дрогнув несколько раз от глохнувших вздохов мотора, затих. Выскочив из кабины, Иван Самойлович аккуратно принял от Геннадия флягу с водой и еду, приготовленную утром Татьяной.

– Что-то Петьки не видно. Не застрял бы у Соломенного мостика. – сказал Геннадий.

– Не должно быть. Колхозник, если потребуется, тележку тракторную вытаскает, не то что конные грабли. – с достоинством ответил Иван Самойлович.

Не говоря больше ни слова, он, прихватив топор и пилу, отправился в небольшой колок, расположенный посреди поляны. К нему присоединился Виктор, работник.

– Зря ты, Самойлыч поди силы трастишь, сжёт бы по весне траву-то и паширатуй! – обратился Виктор к хозяину.

– Не гоже, Виктор с полу ворачивать. Я их, дернаки-то эти с незапамятных времён обкашиваю. С малолетства вместе с матерью литовкой бил здесь траву. А она здесь дюже добрая. Земля то целинная. Её в тридцатые Кузьма Курбатов вспахал, а вот обработать не обработал.

– Вот откуда, оказывается название её – Курбатова пахота. – отозвался на слова Самойлыча Виктор.

– Точно так, Виктор. Обрабатывать её почему-то больше не стали, а мы с Гришкой Агафоновым вручную заготавливали здесь сено. На два подворья хватало с избытком. Этой весной я Кирьяновым договорился: он мне её, поляну-то фрезью раздербанит. Вот у меня двойная выгода, сено накошу да и вспашу, к следующему году пашню под посев подготовлю. Пшеничку посею. Поди центнеров по сорок даст. Иван Самойлыч взмахнул топором. Прошептав большой кудрявой берёзе:

– Прости, милая! Всё равно я буду этот колок корчевать.

Раздался лёгкий стук топора, который уже в нескольких метрах тонул в лесном шуме. Затем запела песню пила и берёза, наклонившись, издавая вздохи, с прерывистым треском рухнула на

землю, вспугнув засидевшихся в траве комаров и оводов.

– Вот и Петька катит! – обрадовался Самойлыч. – Пойдём, перекусим, и за работу. Тяжеловато будет сегодня по дернакам кататься. Трактором не сгребёшь, только конными граблями. Петька к вечеру на стул не сядет после такой тряски.

Мужики присели под сосной около тележки, Самойлыч вытащил завернутую в телогрейку жаровню, открыл её. Округу наполнили ароматные запахи тушёной каши с мясом. На импровизированном столе появились свежие огурцы, помидоры, чеснок...

С детства помнились эти запахи Ивану Самойловичу, когда ещё пацаном гонял на лошади, подвозя волокуши к стогу. Кругом вились оводы, пекло солнце, но какая-то неведомая сила, несмотря на пот, разбедающий глаза и нос, давила на мужиков. И, казалось, ничто не властно остановить их, заставить спрятаться в блаженную тень леса.

Ох, как хотелось ему, Ваньке окунуться в воду и спать. Но крестьянская жилка, так же, как и взрослых не позволяла ему сделать это.

В минуты обеденного отдыха, когда подкрепившись, расслабившись, старшие укладывались в тень, закрыв глаза и млея от зноя, ребяташки шутками, порою несерьёзными не давали им покоя. Обычно из фляги, заполненной льдом и водою, вылавливали мелкие льдинки и бросали их на раскалённое тело отдыхающих.

– Бестия тебя бы взяла! – слышались крики взрослых и какое-то грубоватое, но не злобное «уханье». Почему-то всё это ребяташкам прощалось.

Воспоминания рассеялись от Петькиного возгласа. Отпустив подругу, ослабив чересседельник, он, высыпав Колхознику ведёрко овса, во весь голос запел: «Располным, полна моя коробочка...»

Присев к «столу», опорожнив по стопке самогону, мужики навалились на кашу.

– Правда ли, Самойлыч, что эта поляна принадлежала когда-то твоему деду? Спросил Виктор.

– Ох, мужики, - вздохнув начал

рассказывать Самойлыч, - Не хочется и вспоминать. Слишком тяжёлое было то времечко. Вот, видите у сосны трещину. Эта отметина тех давних времён.

Гулял по нашему местному царству в то время Яшка Жиров, бандит, анархист. Убивал всех, кто ему был не по нраву: попов и большевиков... Приехал однажды на дедову заимку, что располагалась как раз около этих вот сосен, заночевал с моими дядьками, а утром чуть свет, когда его банда собралась к новому походу, из леса на конях с саблями налетел отряд милиции. Из сечи в этот раз Яшка выбрался живым, а вот отметину на стволе от взрыва бомбы оставил.

Сосны, казалось, услышав рассказчика, зашумели, словно пытаясь подсказать то, чему они были свидетелями тех давних лет. Только они помнили, сколько пота пролито было предками Ивана Самойлыча, только им известны любовные свидания его родителей, только они и землячка-матушка, покрытая сейчас одеялом скошенной травы, запах которой ароматом давил грудь, кружил голову, знали всё-всё, но молчали. Чтобы не берeditь сердца тем, кому предстоит, по-современному строить жизнь на этом переболевшем от прошлых невзгод поле.

– Здесь, где-то рядом золотишко спрятано, – вклинился в разговор Петька. – Говорят сузунский клад вон, возле сопки Проклятой зарыт.

– Говорят, говорят. Слышал, что когда-то в Сузуне чеканили медные деньги. Иногда золотники «ковали». Однажды груз с такими деньгами отправили в Томск, но на обоз напали бандиты, отбили его, перебив большую часть охраны. Долго им ехать не пришлось, сбежавшие охранники сообщили в Сузун и оттуда для спасения обоза двинулся отряд солдат. Атаман, предчувствуя погоню в селе Карпысак заставил аккуратно перегрузить золото в другие телеги, а обоз, загруженный зерном двинулся дальше. Погоня проскочила село Карпысак и по следу двинулась дальше, следуя колеей, оставленной обозом. Отряд вернулся в деревню...

– А что было дальше? Золотишко-то кому досталось? – перебил рассказчика Виктор.

– Это великая тайна. Говорят, что атаман и ещё двое его сподручных увезли золото и спрятали где-то у сопки Проклятой. В деревню атаман вернулся один, спрятался в стогу сена. Просидел бы он до ухода погони, да видно удалой был парень, выскочил из-под стога и с саблей ринулся на солдат. Иscalечили они его. Убили. Вот после тех пор и не знает никто, где это золотишко упрятано.

Правда, у дядьки моего, Фёдора, была карта, нарисованная на бересте. Он привёз её от тётки Агафьи из Дергаусова. Так там было обозначено место то ли этого клада, то ли ещё чего, но чётко читались три слова Буготак – Карпысак, сопка Проклятая.

Дядька много раз длинным железным штырём прокалывал почву в округе точки, указанной на карте, но безуспешно. Говорят, что клад нашёл местный богач Курбанский. Он имел лавки в Новониколаевске, Омске, Томске, а жил недалеко от сопки, крестьянствовал как все его соседи, помогал, бескорыстно, бедным... Кто его знает, может кто и наветничает на него. – Самойлыч почесал лоб, расправил белые пряди волос и холодным, по-хозяйски приказным тоном, сказал:

– Пора начинать! Седлай Петька Колхозника! Поехали! Оно-то сено в валках дойдёт.

Поправив сбрую, Петька уселся на грабли, поехал переваливаясь слева направо, то справа налево через ухабы и борозды. Защёлкали железные пальцы граблей, вздыблевая вылежанную сухую траву.

– Я не пойму, Самойлыч, для чего тебе всё это надо? Целых сорок гектаров посевов, пять коров, овцы, свиньи, пасака... Не доходит до моего сознания... - оставив взгляд в лицо хозяина, проговорил Виктор.

– И не понять тебе, Витька! Никогда не понять таких вот, как я. Мой род от земли идёт. У деда-то моего семеро детей было, и все они пахали и сеяли. Что же будет, если я своего единственного сынка отпускаю в странствия? К землеце его надо приобщать. От неё ведь все богатства.

– И беды тоже. – вставил Виктор.

– Пойдём, кучковать сено надо, да замётывать в стог. – не обращая внимания на слова Виктора сказал Самойлыч.

Петька, погоняя Колхозника, сгрёб уже приличную площадь сенокосной поляны. Придерживая рыжего, упитанного мерина только и успевал нажимать на педаль, чтобы сбросить сграбленное сено в валок. Гнус и оводы, пот и жара расслабили его. Конь же двигался по полю, казалось, качаясь, но верно и чётко выполнял приказы возницы.

Вдруг что-то ёкнуло в груди Петьки. Расслабившись, он не успел оценить обстановку, так как в этот момент Колхозник, дрогнув левой ногой, отскочил вправо, сбив с сиденья Петьку. Вожжи путали коню ноги, и тот галопом помчался в сторону согры, гремя граблями, которые вместе с сеном крутили и били Петьку. Подгоняемый испугом, исходящим от грохота металлических зубьев граблей, Колхозник бежал, покамест не врезался в ивняковые заросли.

Ещё не осознавая случившегося, побросав вилы, все бросились к упряжи, где избитый, чёрный от грязи и пыли лежал Петька. Виктор и Геннадий приподняли пальцы граблей. Самойлыч, вытянул сына, уложив его на траву, обессилено рухнул перед ним на колени. Лицо Петьки кровоточило. Какого-то не естественного цвета, тёмной от грязи сделалось тело подростка. Он, обмякший, беспомощный, лежал среди папоротников и, еле шевеля губами, изредка вздрагивая, судорожно корчил руки и ноги.

– Господи! Для чего же я жил на этом свете!? Не ради ли его, дорогого сыночка. Что же мне делать сейчас? – словно молитву напел отец, спохватившись, крикнул: - Быстрее заводите трактор! В больницу!

Петьку уложили в тележку на запашистое сено. Затрещал двигатель, и трактор с прицепом медленно покатились по лесному распаду. Тихим шепотом шелестели осинки, и берёзки, низко свесившимися ветвями нежно касались Петькиной головы, над которой склонился и плакал Иван Самойлыч...

ВЕРНОСТЬ

Двадцать пятого июня прибыл Андрейка в Койниху. Десять лет не был он в своей деревне. И ещё бы незнано, сколько не приехал смотреть на родные просторы: работа и семейные дела не позволяли даже подумать о встрече с дорогами для него местами. Вспоминал, часто он свою речушку Убейку. Как наяву ему представлялись рыбацкие трофеи – щулята, пескари да окуни, небольшие омулята, в которых нередко находили человеческие кости. Раньше проходил здесь большой тракт, а место у села на переезде через речушку было глухое. Здесь то и бродяжили разбойники, и речку поэтому прозвали Убейкой.

Днём раньше получил он телеграмму: « Приезжай срочно. Умер отец...»

Его словно переломило. Неведомым ударом стукнуло в голову, помутнело сознание... Мысль, словно копьём пронзила тело: «Всё кончено! Как же я виноват перед тобой, батя!»

Рано утром приехал Андрейка в родное село. Туман так же, как и в детстве расстилался вдоль поймы реки, заглядывая в заросшие ивами логовины, которые словно ветви большого дерева, расстелившегося по земле сказочным пуховым ковром, прикрывали землю.

Непривычно, молчаливо было вокруг. Раньше на заре почти все подворья представляли собой большой людской «муравейник». А сегодня? Почему-то тётя Груня не щебечет в соседнем дворе, Игната Михайловича, не видно в ограде. И дом, родной дом, молчаливой тенью предстал перед ним.

Распростёртыми руками, с плачем и причитаниями встретила его мать, Ефросинья Никитична. До предела сдержанная, она в эту минуту выплеснула всю боль и бессилие, навалившись на грудь сына. Убитая горем, повела его в дом.

Отец предстал перед ним богатырём, словно уснувшим на короткое время отдыха. Лицо его, как прежде было серьёзное, строгое. Но постепенно щёки начали припухать, на них появились ямочки, напоминающие сдержанную улыбку, скрывающую Великую Тайну Жизни и Цель самого Существа Человеческого.

Часам к девяти подворье умершего хозяина, Степана Фомича, стало наполняться селянами. Копщики отправились на погост копать могилу, а люди, стоявшие по разные стороны ограды, ждали чего-то, казалось бы, неизвестного и по сему, видимо, там слышались негромкие воспоминания о прожитой селянами жизни.

К часу дня всё было готово к выносу тела. Из нешироких дверей избы начали выходить родственники, держа в руках букеты цветов и венки. Вынесли две табуретки, на которые установили гроб.

Наступила тишина, момент необъяснимой тревоги и какого-то непонятного Чувства. Все ожидали Таинства. Андрейка хорошо помнил похороны своего прадеда, Павла Акимовича. Тогда причитания бабы Дуни: «Ах, миленький мой...о...о..ой! Да на кого же ты нас по...о...ки...и...и.ну...у...ул... Да, как же мы...ы...ы... бу...у...у...дем жит...и...и...ить без тебя...я...я...!», заставляли окружающих вытирать платками увлажненные глаза, а он, Андрейка, заливался слезами и криком, в ожидании чего-то страшного и неведомого.

К гробу подошла баба Вера и, перекрестившись, тонким еле слышным голосом запела: «Свя...а...а...ты...ы...ы..й Бо...о...о...же...е..., Свя...я...я...а...а...а...ты...ы...й Кре...е...еп...ки...и...и...и...й... Свя...а...а...тый Бес...с...ме...е...е...ертн...ы...ы...ый поми...и...и...и...луй нас! Святое песнопение закончилось молитвой «Отче наш» И вновь тишина. Только вхлипывания Ефросиньи Никитичны, словно слабый всплеск волн при тихом ветре, убаюкивающе успокаивали растревоженные души селян. Раньше, помнилось, баба Стеша помогала в песнопении и чтении молитв, поэтому намного долгим был процесс отпевания. А сейчас бабушка Вера или подзабыла слова, или силы не хватает уж вытягивать старославянские тексты.

Погрузив гроб в кузов старенького ГАЗончика, усадив на подстеленый вдоль борта коврик, родных и близких покойнику людей, траурный кортеж тронулся в сторону кладбища.

Остановившись около могилы, мужики – копальщики установили на тех

же табуретках гроб, который тихо обступила толпа односельчан. Озираясь по сторонам, все ждали чего-то неестественного, доброго, заслуженного Степана Фомича, слова. Возвысившись на холмике свежевыкопаной глины тихим, хрипловатым голосом, непривычно заикаясь, начал свою речь Фёдор Иванович, председатель совета ветеранов села. Говорил он немного, упоминая заслуги покойного труженика. Казалось бы, что можно говорить о человеке, прожившем жизнь в тихом семейном омуте, да и работа была без героических поступков – подумаешь скотник, пастух по-старинному.

Лишь голос жены, Ефросиньи Никитичны, звонким дискантом нарушивший кладбищенскую тишину, заставивший содрогнуться ветки плакучей берёзы, прикрывавшей с обратной стороны могилу, разбудил уснувшую толпу.

– Степа... а...а...а...нушка! Го...о...о...ло...о...о...о...вушка ты моя...я...я поте...е...е...ерянная...я...я! Ка...а...а...а...же я...я то... без тебя...я...я...я!..

Андрейка стоял около гроба, слёзы лились по щекам, сердце сдавило плотным тяжёлым комком, который, казалось, подпирает кадык, готовый перекрыть доступ в тело воздуха.

Церемония прощания длилась недолго. Прикрыли лицо покойника белым покрывалом, удалили петли связывающие руки и ноги, соль, лежащую на животе. Настала минута отделяющая настоящее от Вечности. Захлопнулась крышка гроба. Копальщики аккуратно, подстелив под днище полотенца, начали опускать гроб в могилу.

Истерический крик Ефросиньи Никитичны, пошатнувшейся от стука падающих комьев земли, заставил Андрейку обеими руками охватить талию матери, и, слившись в одно целое громко заголосить: Ба...а...а...тя...я...я! Мать только и могла, что голосом отчаяния поддерживать святую исповедь сына.

Помянув усопшего, сельяне разошлись по домам. В доме Степана Фомича остались лишь близкие родственники и друзья. Андрейка, утирая платком постоянно наполняющиеся влагой глаза, извинившись, вышел на улицу.

Его вниманию предстала собачья ко-

нура, где долгие годы находил пристанище пёс Бим, волею судьбы, ставший почти членом их семьи. Она была пуста. Бима не стало давно, ещё в то время, когда Андрейка жил здесь, в Койниках.

И нашли то его здесь же у речки щенком с ещё не прорезанными глазами. Кто-то выбросил кутёнка под мост, но его величество случай спас щенка от гибели. Ефросинья Никитична случайно проходившая мимо моста, услышав слабый писк, спустилась к речке, завернула крошку в шарфик и принесла домой.

Через год из немощного щенка вырос прекрасный пёс. Имя ему дал Андрейка. С тех пор Бим и Андрейка были друзья, не разлей - вода.

Андрейка рос добрым и умным парнишкой. Два вихра на голове, ясные большие голубизной отливающие глаза, обрамленные бахромой длинных ресничек, неведомой силой притягивали его к любому прохожему или собеседнику. Поэтому-то односельчане звали его ласково – Андрейка. Даже годы, взросления не повлияли, он оставался для близких ему людей добрым, ласковым мужчиной, сохранившим нежное детское имя.

Осмотрев конуру, где раньше обитал Бим, Андрейка заглянул в сарай. Не осознавая того, взял в руки лопату и двинулся в конец деревни.

Остались позади последние дома с развалившимися усадьбами, брошенные былыми жильцами, которые из-за недостатка работы обрели себя на скитания в её поисках.

Какая-то неведомая сила привела его на скотское кладбище. Зачем шёл сюда, Андрейка понял лишь тогда, когда поравнялся с большой сгнившей картонной коробкой. На ней уже устроили гнездо мелкие рыженькие муравьи, образовав лохматую, набитую пылью земляную кочку. Это было последнее пристанище Бима.

Стукнув по коробке лопатой, Андрейка увидел ислетшее тело собаки и кости, проглядывающие через труху картонного ящика. Что-то больно укололо его сердце. Ему припомнился тот день, когда на него напала собачья «свадьба».

Свора кобелей, жаждущих собачьих любовных забав, налетела на проходив-

шего мимо Андрейку. Он шёл в гости к другу Саньке, который жил в другом конце села. Бим сопровождал его. Однако жажда плотских утех невидимыми, незнамо какими неуловимыми запахами вовлекли в собачью свору и Бима.

Всё свершилось в одну минуту. Бим, притесняемый сворой, прижался к мальчишке. Собаки же увлечённые животным инстинктом плотского превосходства и задора стали кусать Андрейку. Однако Бим смело ворвался в стаю и отвлек псов от своего хозяина. Андрейка стоял и плакал, не зная, что ему предпринять. Выломал из забора частоколичину и, ну давай охаживать озверевших псов. На помощь ему выскочил дядя Вася печник, он увидел в окне побоище и немедленно помог потерпевшим, угнал псиную «свадьбу».

На дороге остался лежать разорванный, истекающий кровью Бим. Андрейка взвалил его на саночки, которые вынес ему дядя Вася и повёз домой.

Положив на ворох сена, предварительно подстелив старую простынь, Андрейка пытался забинтовать псу раны настоящим медицинским стерильным бинтом. Бим подчинялся ему, лизал его руки, но затем, постанывая, срывал с тела повязки, и принималсялизывать кровоточащие раны.

Ещё три дня боролся за жизнь Бим. Вечером третьего дня Андрейка пришёл к нему, чтобы угостить любимым лакомством – свежесваренной куриной ножкой. Виновато поглядел на него Бим, прижал уши к шее и нежно, чтобы не обидеть хозяина взял из его рук пищу. Положил окорочок на пол и, пошевелив ушами, словно поблагодарив хозяина, принялся за еду.

Наутро Андрейка обнаружил Бима мёртвым, примерзшим к подстеленной простыне, с вытянутой в сторону спины головой.

Отец принёс из кладовой большую картонную коробку. Аккуратно окутав мертвого пса простыней, поместив в коробку, Андрейка увёз его на саночках на скотомогильник, чтобы весной его закопать в землю.

Прошла весна, лето, много лет...

Стоя сейчас перед останками пса, он не мог простить себе чувства вины не только за смерть отца, но чего-то большего, вселенского. Ему казалось, что схоронил он сегодня не отца, а себя. Отец и Бим предстали ему в высоком, длинном и светлом тоннеле. Представилось, что со всех сторон на них изливались лучи нежного желто-оранжевого света. Теплом и спокойствием веяло оттуда, из вечности, которой достойны будут все, испив при жизни чашу радости и горя, труда и героизма, уготованные.

АВТОР О СЕБЕ

Родился я в селе Сарапулка, где и прожил почти всю свою жизнь. Отец погиб в Великую Отечественную войну. Мать, потомственная крестьянка привила мне любовь к земле, животным. Работая с нею, да и с другими односельчанами в поле, полюбил и навечно запомнил запах скошенных трав, а особенно, как ни странно – запах пота.

Рядом с нами жил сосед, дед Федот, бывший священник. Он имел большую библиотеку старинных церковных книг, написанных на старославянском языке. Долгими зимними вечерами при свете десятилинейной лампы он читал нам житие святых, молитвы, псалмы.

Ещё до моего зачисления в школу дед Федот Погорелов научил меня чтению на старославянском языке, чему я рад до сего дня. Напевное чтение его глубоко «засело» в моё сознание. Возможно, это и явилось началом моего творчества, которое будоражило всю жизнь мою душу...

Я писал стихи для друзей, для школы, оформлял и выпускал стенную газету. Выпускал боевые листки...

Много статей, стихов, рассказов было опубликовано в различных изданиях.

Несмотря на то, что начал писать стихи я рано, с настоящей поэзией столкнулся недавно – десять, пятнадцать лет назад, когда понял, что написать – это ещё не всё. Нужно работать со словом.